

Осень за Великой стеной приходила поздно. Прохладный ветер задувал в шатер, неся с собой мягкий аромат свежих трав.

Тоба Фэн, держа в руках книгу, небрежно перелистнул страницу и прочитал вслух:

— Жужани* разгромили тюркское племя волков. Тюрки были искусны в ковке, и жужани называли их «рабами-кузнецами».

* Жужани (также жуань-жуани или жоужани) — древнее объединение кочевых племен, создавшее в IV-VI веках мощное государство в Центральной Азии — Жужаньский каганат. Считаются потомками сяньби. Большинство исследователей полагает, что они были монголоязычны, хотя в их состав входили и тюркские племена.

Юньци слушал, понимая лишь отчасти, и спросил:

— Так в родословной написано?

Тоба Фэн сказал:

— Нет, в родословной это написано на тюркском. — С этими словами он легонько хлопнул пергаментной книгой по голове Юньци и добавил: — Слушай.

Юньци кивнул, и Тоба Фэн продолжил:

— Император Тайу-ди из династии Вэй много лет воевал с жужанями. В возрасте шестнадцати лет Тоба Тао лично повёл войска в поход, но был окружён шестидесятитысячной жужаньской конницей. Тогда тюркское племя волков перешло на другую сторону, и в плотном боевом строю образовался разрыв.

Юньци воскликнул:

— Тоба Тао!

Тоба Фэн хмыкнул и с улыбкой произнёс:

— Жужани потерпели сокрушительное поражение, а Тоба Тао повел армию за ними в погоню... Непростая задача, ведь ему было всего шестнадцать.

Юньци с любопытством спросил:

— Так в родословной написано?

Тоба Фэн рассмеялся:

— Нет, это я сам добавил.

Тоба Фэн снова перевернул страницу и сказал:

— Во время войны члены царствующего рода Тоба вступили в связь с несколькими женщинами из тюркского племени волков и намеревались забрать их с собой на Центральную равнину.

Юньци заметил:

— Так и начался ваш род. Тюрки, но с сяньбийской фамилией Тоба.

Тоба Фэн усмехнулся:

— Жаль, что все они уже умерли.

Юньци с сожалением вздохнул:

— По тебе и не скажешь, что ты потомок императора. Как же так вышло, что вы всё ещё живёте в степи?

Тоба Фэн рассеянно произнёс:

— Родились в степи, живём в степи, и умирать должны за Великой стеной... Те женщины не захотели последовать за Тоба Тао.

Мысли Юньци унеслись за тысячу ли. Он представил величественный образ Тоба Тао, императора Тайу-ди Северной Вэй, скачущего по полю боя, и, не сдержавшись, спросил:

— Ему было всего шестнадцать, когда он отправился на войну?

Тоба Фэн сказал:

— Мой предок в двенадцать лет стал наследным принцем и отправился в Хэтао* сражаться с жужанями.

* Хэтао — равнина в северной части Китая на территории автономного района Внутренняя Монголия, в излучине Хуанхэ, северная окраина плато Ордос.

Уголки губ Юньци дёрнулись. Ему казалось невероятным, что в этом огромном мире существуют настолько удивительные вещи. Каким же необыкновенным талантом нужно было обладать, чтобы в двенадцать лет командовать войсками и вести бой.

Тоба Фэн продолжил:

— Здесь говорится, что у моего предка были глаза, точно у волка — янтарно-карие. После войны, чтобы выразить признательность тюркским племенам за помощь, он лично совершил жертвоприношение богу-волку, сделал татуировку с изображением синего волка на затылке и трижды поклонился в знак благодарности всему живому в степи. Он заключил с тюркскими соплеменниками соглашение о том, что за всю историю Северной Вэй их войска не ступят за Великую стену, и с этого момента семьдесят два тюркских племени вновь обрели свободу.

Юньци с восхищением вздохнул:

— Невероятно, всего шестнадцать лет...

Тоба Фэн, попивая из-за своего предка уксус, раздражённо хлопнул книгой по голове Юньци и сердито буркнул:

— Не буду больше читать!

Юньци поспешно улыбнулся, сказав:

— Так ты и сяньби, и тюрк...

Тоба Фэн с серьёзным видом заявил:

— Помесь.

Юньци рассмеялся. Тоба Фэн взял его за руку и осторожно вывел из шатра, говоря:

— Солнце уже садится, прошло сорок девять дней.

Вокруг раздавался нереальный шум. Уже почти десять дней, как они прибыли к реке Керулен, но Юньци ничего не понимал. В его ушах стояли сплошные грубые крики тюрков, его лоб постоянно трогали, и временами он слышал тёплый смех Тоба Фэна, который всё время заслонял его собой.

Оазис казался Юньци чем-то невыразимо чужим, а жизненный уклад тюрков был ему совершенно непривычен. Лишь Тоба Фэн постоянно держал его за ладонь или клал руку на

плечо, надёжно оберегая.

Тоба Фэн крикнул что-то вдаль, и в ответ донёлся звонкий детский голос Фан Юя.

— Идём за мной. — Тоба Фэн улыбнулся. — Сюда.

— Здесь торчат щепки, будь осторожен. — Тоба Фэн повёл Юньци на деревянный настил.

Вечерний ветерок ласково обдувал лицо, неся запах жареного мяса и насыщенный аромат вина.

Тоба Фэн стоял позади Юньци, обхватив его за талию, и в его голосе сквозила лёгкая нервозность.

— Юньци.

— А? — Юньци, с завязанными глазами, растерянно улыбнулся.

— Как ты думаешь... ши-гэ... э-э...

Юньци нахмурился:

— Что такое?

Тоба Фэн, казавшийся немного застигнутым врасплох, словно обдумывал в душе чрезвычайно важное решение. Наконец, сделав выбор, он предложил:

— Юньци, следуй за ши-гэ.

Юньци в недоумении произнёс:

— Разве я не всегда следовал за тобой? Что за глупости ты городишь?

Тоба Фэн облегчённо вздохнул и с улыбкой протянул:

— Ши-гэ тебя любит...

Юньци поспешно воскликнул:

— С ума не сходи!

Юньци прекрасно понимал, что сейчас они находились на возвышении, и если ши-гэ «отлюбит» его на такой высоте, это мгновенно станет видно всем соплеменникам в степи, а этого ни в коем случае нельзя было допустить.

Тоба Фэн с улыбкой объяснился:

— Нет-нет, я не это имел в виду. Смотри.

Ловкие, длинные пальцы Тоба Фэна, подобно рукам фокусника, легко развязали чёрную повязку на глазах Юньци.

В тот миг бескрайняя тьма была нежно снята рукой Тоба Фэна и унеслась ветром вдаль.

Небо — словно купол, земля — словно шахматная доска. Бескрайний оазис реки Керулен усеивали пруды, сверкающие в лучах заката, как драгоценные камни. Ржавые травы поздней осени устилали равнину, колыхаясь на слабом ветру, а блеющие отары овец, словно рассыпанные жемчужины, возвращали в загоны.

Река Керулен напоминала шёлковую ленту, а на противоположном берегу высились кучки юрт. Последние лучи заходящего солнца стали тёмно-красными, а затем скрылись за горизонтом, и в одно мгновение бескрайние земли за Великой стеной погрузились во тьму.

Тюрки собрались вокруг костров и затянули героическую песню, которая разносилась далеко-далеко. С противоположного берега реки Керулен им в ответ громко подпевали женщины, и с обеих сторон раздавался беззаботный смех.

— А что там, на том берегу? — пробормотал Юньци.

Тоба Фэн ответил:

— Земли монголов.

— Их мужчин почти всех перебили. Основные силы находятся за Великой стеной, а женщины кочуют со скотом. С приближением зимы они пришли с детьми к реке, чтобы поселиться здесь. Несколько дней назад они приходили к старейшине просить выделить им участок земли.

Юньци вдруг спросил:

— Ищут защиты кочевых народов?

Тоба Фэн кивнул, и Юньци снова спросил:

— А кто у вас старейшина?

Тоба Фэн скромно улыбнулся:

— Старейшина уже стар, вопросы надо решать с вожаком стаи. А вожак стаи — это я.

«...»

Юньци потерял дар речи. Про себя он подумал: «Снова этот дурачок хвастается». К слову, быть вожаком стаи тоже неплохо. Молодой глава рода-сорвиголова, что может быть лучше?

Тоба Фэн издал протяжный клич, наполненный внутренней силой, который лился непрерывно, словно могучая река.

Тюркские племена в степи одно за другим затихли, прекратив петь. Они подняли головы к небу и ответили ему. Стоя на возвышении, Тоба Фэн во главе почти десяти тысяч тюрков по-волчьи выл на луну. Пространство между небом и землёй наполнилось протяжными звуками, будто возвещающими, что эта земля — их дом, и никто не смеет на неё посягнуть.

К этому времени Юньци окончательно обосновался в степи и начал жизнь без политики, интриг и работы. Он только бездельничал и прожигал дни — и в самом деле, это была самая что ни на есть праздная жизнь.

Каждый день Тоба Фэн кратко обсуждал со старейшиной несложные дела вроде распределения пастбищ и вопросов женитьбы среди соплеменников.

Управление у кочевых народов было предельно простым, настолько, что они не нуждались в законах. Если возникали споры между семьями, их сразу решал старейшина.

Вождь тюрков, живущих на берегах реки Керулен, находился уже в преклонном возрасте и всерьёз задумывался о передаче руководства племенем Тоба Фэну. Тот без особых возражений полностью взял на себя ответственность за возрождение племени.

Он и Юньци привезли товары, скот и лошадей с Центральной равнины. В первое и пятнадцатое число каждого месяца они водили соплеменников к границе Великой стены, чтобы на ярмарках обменивать продукты кочевых племён на необходимые в быту вещи.

Суровые холода миновали, и снова наступила весна.

Фан Юй, будучи ещё ребёнком, быстро выучил тюркский язык, а у Юньци по-прежнему возникали трудности в общении. Он говорил сбивчиво и путался в словах, что часто вызывало у тюрков громкий, добродушный смех. Это очень огорчало Юньци.

— Я хочу на ярмарку!

— Нель-зя! — Юньци покачал пальцем. — Оставайся дома с тётей.

Чунь Лань, помыв волосы ледяной водой у входа в юрту, встряхнула головой, и её длинные чёрные локоны рассыпались водопадом. Она позвала:

— Фан Юй, иди сюда, тётя сводит тебя поиграть на тот берег реки.

Тоба Фэн откинул полог и вошёл в юрту:

— Фан Юй, какие книги ты хочешь? Покажи мне список.

Юньци рассеянно произнёс:

— Возьми его с собой, что тут такого?

Тоба Фэн серьёзно ответил:

— Нельзя. Этот малец — вылитый ты в детстве. Мне уже хватает хлопот с одним мастером создавать себе проблемы.

Чунь Лань рассмеялась, взяла Фан Юя за руку и ушла, а Юньци с усмешкой бросил вдогонку:

— Как будто ты сам не создавал себе проблем.

Юньци вышел за Тоба Фэном из юрты и запрыгнул на повозку, запряжённую волком. К тому времени за пределами лагеря уже собралось более сотни повозок, стоящих впритык. Несколько тюркских парней, увидев Юньци и Тоба Фэна, отпустили пару поддразнивающих фраз.

Тоба Фэн громко что-то ответил и с улыбкой взмахнул длинным кнутом. Под весёлый хохот задних рядов обоз тронулся в путь.

Хотя Юньци и не понимал тюркского, он смутно различил своё имя и тут же смущённо спросил:

— О чём они говорили?

Тоба Фэн закинул ногу на оглоблю, обнял Юньци за плечи и лениво произнёс:

— Сказали, что ты красавчик, и спросили, не хочешь ли жениться. Мол, готовы тебе отдать свою сестру.

Юньци не знал, смеяться ему или плакать, и снова спросил:

— А ты что ответил?

Тоба Фэн улыбнулся:

— Ответил, что мы с тобой опора друг для друга, никто из нас не женится и мы будем жить сами по себе.

Юньци кивнул. В степи снег и лёд уже растаяли, обнажив тёмную землю, из которой пробивалась свежая травка. Началась весна, сулящая год, богатый на воду и пастбища.

Обоз добрался до самой Великой стены, и Юньци, которого Тоба Фэн столько дней держал практически в заточении в племени, наконец-то вырвался на свободу. Он тут же спрыгнул с повозки и, прихватив серебро, скрылся из виду.

Ярмарка у Великой стены открывалась в первое и пятнадцатое число каждого месяца. Весной более ста племён из двенадцати кланов пустыни, а также народы, живущие за Великой стеной собирались здесь, чтобы обменяться товарами. Ханьские купцы привозили из-за стены множество диковинок, а персидские торговцы, проделав долгий путь, выставляли лавки с пряностями и красителями, создавая невероятно оживлённую атмосферу.

Толкаясь и пихаясь, тюркские парни сбивались в кучу и обсуждали, что привезти своим возлюбленным. Юньци, долго живший на Центральной равнине, уже не удивлялся обилию украшений и безделушек и потому пробирался прямо вглубь рынка.

Тоба Фэн отправился на поиски оптовых купцов, чтобы продать скот и товары, а Юньци в одиночестве подошёл к лавке персидского торговца. Он взял щепотку пряностей, понюхал и спросил:

— Сколько стоит? Вы проделали такой долгий путь, чтобы привезти всего несколько свертков цяланьяна*? Разве это окупится?

* Цяланьян (枿) — термин в древнекитайском языке, специально обозначающий ароматические вещества категории агарового дерева.

Персидский торговец, долгое время колесивший по Шёлковому пути, свободно владел ханьским языком. Увидев Юньци в дорогой одежде и чёрной соболиной шапке, наряженного как житель с земель за Великой стеной, но в роскошнейших мехах и с серебристым лисьим хвостом на плечах, он сразу осознал, что перед ним необычный человек. Хотя он и был ханьцем, но прибыл вместе с тюрками. Купец долго разглядывал его, но так и не смог определить, откуда он родом. Он лишь сообразил, что этот человек явно либо богат, либо знатен, и пренебрегать им нельзя. Торговец поспешно расплылся в улыбке:

— Братец шутит, цяланьсян — это для простаков с окраин. Если нужен хороший товар, прошу внутрь.

Торговец собственноручно достал шкатулку, внутри которой лежал маленький тканевый мешочек, а затем осторожно развязал его. Мгновенно вся палатка наполнилась тонким ароматом.

Купец с улыбкой спросил:

— Братец, как тебе этот аромат? Настоящий товар высшего сорта.

Юньци, выросший во дворце и с детства привыкший играть жемчугом как стеклянными шариками, сразу узнал этот аромат и насмешливо заметил:

— Третьесортная амбра. И ты ещё прятешь её от света? Кого ты пытаешься обмануть?

Юньци даже не спросил цену, а принялся расхаживать по палатке и снял со стены висевшее там ружье. Торговец поспешно убрал амбру, положив её на место, и подошёл остановить его:

— Молодой господин! Это же настоящее оружие...

Юньци рассеянно произнёс:

— Знаю. Так в нем же нет пороха, верно? Откуда привезли? По законам Великой Мин контрабанда огнестрельного оружия карается конфискацией всего товара в казну... лишением персидского подданства, изъятием проездных документов и ссылкой в армию...

Не успел он закончить фразу, как персидский торговец уже замер с вытаращенными глазами. Юньци ловко провертел ружье в руках, и раздался щелчок затвора. Затем он взял висевший рядом порох, зарядил оружие и уже собрался выстрелить в небо для проверки, но купец, побледнев от ужаса, замахал руками:

— Молодой господин, ни в коем случае!

— Сколько у тебя ружей? — Юньци, действуя со знанием дела, навёл ствол на персидского торговца.

Торговец хихикнул:

— Только этот, больше нет.

Юньци, подумав, сказал:

— Я знаю, что у тебя припрятано немало. Я покупаю всё. В том сундуке... — Юньци слегка кивнул, указывая персу на железный сундук в углу палатки, и приказал: — Доставай. Посчитай и скажи общую сумму.

Персидский торговец чуть не лишился дара речи. Внезапно за пределами палатки раздались громкие крики и ругань. Юньци слегка нахмурился, распознав тюркскую речь, и с ружьем в руках поспешил выйти на улицу.

Не прошло и мгновения с тех пор, как он зашёл в палатку перса, а на рынке уже появился большой отряд конницы. Вокруг ржали лошади и мычали коровы, всё погрузилось в хаос. Женщины громко визжали и плакали, пока монгольские всадники рвали на них одежду и тащили на лошадей.

Целью нападения юаньских конников оказались монголки, которые последовали за тюркским обозом!

Тоба Фэн пришёл в ярость. Тюрки выхватили сабли и с громкими криками бросились в бой. Монгольская конница беззаботно смеялась, и никто вокруг не решался вмешаться. Торговцы поспешно собирали товары и прятались в палатках.

Хотя Тоба Фэн говорил на монгольском не слишком бегло, в его крике чувствовалась бурлящая ярость. Внезапно раздался оглушительный грохот. Выстрел из ружья напугал лошадей, они разбежались в стороны, а голова одного из юаньских солдат, тащившего женщину, разлетелась на кровавое месиво, и он свалился с коня.

Вся ярмарка замерла.

Юньци, держа ружье в руках, холодно произнёс:

— Отпустите их. Они пришли с нами.

Тоба Фэн взглянул на Юньци, затем отдал приказ командиру юаньской конницы, но тот в ответ громко выругался.

— Что он сказал? — спросил Юньци.

Тоба Фэн ответил:

— Он сказал, что эти женщины изначально были их соплеменницами, но во время войны бежали из племени, и, скорее всего, они рабыни. Их нужно вернуть, а нам не вмешиваться.

Юньци бросил Тоба Фэну ружье. Он ловко взвёл затвор, поймал второй мешочек, который кинул Юньци, умело зарядил ружье и снова крикнул что-то по-монгольски.

Всадникам пришлось отпустить женщин. Их командир громко выругался, развернулся и ускакал прочь.

Он явно разразился какой-то бранью с общим посылом «хоть я проиграл битву, но дух мой не сломлен». Однако едва командир развернул коня, как сзади прогремел выстрел Тоба Фэна! Пуля пробила ему шею, и тело рухнуло на землю.

Толпа тюркских юношей громко заголосила в восторге, явно почувствовав облегчение.

— Простите, осечка, — усмехнулся Тоба Фэн.

Увидев, как погиб их командир, несколько десятков юаньских всадников с яростными и скорбными криками бросились вперёд, размахивая саблями. Юньци выстрелил ещё раз. Он с точностью рассчитал угол, и пуля прошла навылет через тела двух человек, убив на месте ещё двух конников!

Только тогда монгольские всадники наконец почувствовали страх. Обычно они грабили, убивали и насиловали повсюду, полагаясь лишь на грубую силу. Когда же они видели таких беспощадных убийц!?

С тюрками не стоило связываться. Конники, перепугавшись до полусмерти, разом развернули лошадей. Юньци перезарядил и выстрелил ещё раз, убив ещё одного человека, после чего юаньские всадники в страхе обратились в бегство.

Только тогда персидский торговец робко высунул голову и, заикаясь, спросил:

— Монголы — точно голодные тигры и свирепые волки... Молодой господин, разве вы не боитесь, что они будут мстить?

Юньци убрал ружье и невозмутимо произнёс:

— Если мы просто прогоним их, разве монголы оставят нас в покое? Сколько их всего? Всех посчитал?

Тоба Фэн последовал за Юньци в палатку. Осмотрев несколько ящиков с ружьями, он равнодушно сказал:

— Эти монголы давно промышляют грабежами за Великой стеной, у каждого на руках бессчетное количество жизней. Я считаю, что убить лишь несколько — даже маловато.

Персидский торговец вытер пот и приказал нескольким служанкам вынести товар. Открыв крышки ящиков, он произнес:

— Всего десять ящиков, по пятьдесят штук в каждом. Молодой господин покупает всё?

Тоба Фэн вопросительно взглянул на Юньци. Тот, подумав, ответил:

— Покупаем всё. И все чугунные пули, и порох тоже. Вооружение — дело жизни и смерти, на него нельзя жалеть денег.

Тоба Фэн произнес:

— Как скажешь.

Несмотря на богатство Тоба Фэна и Юньци, эта сделка оказалась весьма затратной и съела почти восемь десятых их сбережений. Денег с собой не хватило, поэтому пришлось вести персидского торговца в племя, чтобы доплатить. Только тогда они приобрели пятьсот ружей, которые раздали молодым людям племени.

Разумеется, торг был неизбежен. После существенного снижения цены Юньци ещё и практически силой заставил персидского торговца отдать амбру, которую затем присвоил себе.

По правде говоря, продажа товаров Юньци мало чем отличалась от ограбления всадниками Северной Юань, но это уже другая история.

У Юньци были свои планы. Чтобы выжить за Великой стеной, не обязательно грабить другие народы, но определенно необходимо иметь способность к самообороне. В степи часто случались сражения, и множество жизней уносили межплеменные стычки. С таким мощным оружием дальнего боя, как ружья, можно было свести почти на нет гибель молодых тюрков.

А снижение смертности — это важнейшее условие для обеспечения процветания племени.

Именно из-за резкого сокращения населения монголы столкнулись с тем, что старых становилось все больше, а притока молодёжи не было, и племя постепенно приходило в упадок, подобно солнцу, клонящемуся к закату.

Юньци сформировал из тюрков стрелковый отряд. Оружие хранилось в их семьях, а в обычное время Тоба Фэн обучал их использованию, методам обслуживания и починки ружей. Отряд состоял из пятисот человек, разделённых на три шеренги: переднюю, среднюю и заднюю. Когда стреляла передняя шеренга, средняя и задняя перезаряжали ружья и готовились к смене. Таким образом, выстроившись в линии и стреляя по очереди, они могли обрушить на врага из сотни ружей почти непрерывный шквал пуль.

Тюрки от природы были отличными стрелками, и даже Юньци, двадцать лет упражнявшийся в стрельбе из лука, с сожалением признавал их превосходство.

— Как вы тренируетесь целиться по мишеням? — Юньци просто не находил слов.

Тоба Фэн с улыбкой ответил:

— Это у них врождённое. Все тюрки умеют стрелять с лошади, так что и ружья они тоже осваивают очень быстро.

Юньци с досадой произнёс:

— Когда шинян учила меня метать ножи, мне приходилось целыми днями сидеть во дворе и пристально смотреть на листья платана на ветках. Потребовалось несколько лет, чтобы развить такую меткость.

Тоба Фэн с улыбкой смотрел на Юньци, а потом наклонился и поцеловал его. Они тихо стояли у входа в юрту, обнявшись.

— Ты стал гораздо счастливее. Всегда улыбаешься, будто стал другим человеком, — поддразнил его Юньци.

Лицо Тоба Фэна слегка зарделось. Он почесал затылок и ответил:

— Когда мы с тобой служили во дворце... я каждый день мечтал о такой жизни. А теперь эта жизнь стала для ши-гэ реальностью... э-э... ладно, не будем об этом.

Тоба Фэн, казалось, немного смутился и сменил тему:

— Ты что, услышал о каких-то слухах?

Юньци помолчал, а затем ответил:

— Зять говорил мне, что после переноса столицы он лично возглавит поход для уничтожения остатков монголов.

Тоба Фэн сразу нахмурился:

— Он будет проходить мимо реки Керулен?

Юньци спокойно сказал:

— Думаю... у него, должно быть, еще остались к нам какие-то чувства, но лучше всё же заранее подготовиться. Надеюсь, он решит пойти в обход.

Юньци снова усмехнулся:

— Или, может, надеяться, что Те Сюань продержится подольше и не отдаст Шаньдун так быстро.

Наступила весна второго года правления Юнлэ.

Юньци ошибся. Или, скорее, тот факт, который он не хотел признавать, все же, как и ожидалось, свершился.

Чжу Ди расправился с Те Сюанем всего за месяц. В третий месяц, когда почва оттаяла, император Юнлэ лично повёл двести тысяч минских войск, грозной лавиной вышел за Цзяюйгуань и вдоль Великой стены двинулся на север, официально исполнив клятву, данную во время вступления на престол: «Сын Неба отвечает за охрану границ государства и готов умереть за страну».

Первой остановкой многочисленной армии стало место, где Чжу Ди в шестнадцать лет завершил свой Северный поход, собственноручно казнил Кокэ-Тэмура и подобрал на земле тюркского племени Тоба Фэна — река Керулен.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326110>